Трибуна молодых ученых

Михаил Юрьевич Петербургский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет права
109028, Российская Федерация, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3
E-mail: mpeterburgsky@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-7559-0709

DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-peterburgsky

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК, ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК И ЯЗЫК МЕНЬШИНСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИЙ И РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация. Степень реализации языковых прав граждан, проживающих в многонациональном государстве, особенно их права на выбор языка коммуникации в публичной сфере и права на его сохранение и развитие, находится в неразрывной связи со статусом языка в государстве в целом или в какой-либо административно-территориальной единице, такой как область, провинция, район, сельское поселение и т.п. Отсутствие законодательного закрепления статуса языка, не являющегося государственным, но широко используемого в рамках конкретной территории, а также непризнание в качестве отдельных, самостоятельных языков определенных знаковых систем, используемых этноменьшинствами, нередко служат катализатором социальных противоречий. При этом наделение языка определенным правовым статусом является сложной задачей, решение которой, по мнению автора, требует комплексного подхода, учитывающего не только конституционно-правовые нормы и международные стандарты, но и лингвистические, социально-политические, экономические и культурные реалии, сложившиеся в каждой конкретной ситуации.

Целью исследования в рамках настоящей статьи является анализ основных подходов к определению статуса языка, а также выработка собственных концепций наделения языка тем или иным статусом. Автором освещаются основные классификации языков по статусу, как используемые в отечественной и зарубежной доктрине, так и почерпнутые из положений законодательства. Анализируются их преимущества и недостатки.

Методология исследования включает в себя общенаучный и специально-юридический методы, среди которых предпочтение было отдано ретроспек-

тивному, статистическому и сравнительно-правовому методам, а также методам моделирования, обобщения, и правового прогнозирования. Важную роль в исследовании занял анализ российской и зарубежной нормативно-правовой базы, работ ученых-правоведов и лингвистов в целях установления национальной специфики регулирования статуса языков этнических сообществ разных стран. Особое место в методологической базе занимают работы таких юристов, как Ф. де Варенн, А.К. Соболева, Н.В. Шелютто.

В результате исследования были сформулированы выводы о необходимости междисциплинарного подхода к вопросу правового регулирования статуса языков, в том числе о необходимости привлечения данных других наук для выведения дефиниций государственного и официального языка, языка меньшинств, родного языка. Теоретико-правовые проблемы, помимо сложностей выведения дефиниций, включают в себя также поиск ответов на вопросы, распространяются ли гарантии на выбор языка общения на диалекты и сигнальные системы, используемые для коммуникации в определенном сообществе (например, на язык жестов у глухонемых), сколько уровней государственных и официальных языков может существовать в федеративном государстве, как соотносится «основной» государственный язык с государственными языками субъектов федерации и официальными языками автономий или иных национально-территориальных единиц, как правовое регулирование статуса различных языков связано с историей развития государства, политической ситуацией и языковой политикой, проводимой законодательной и исполнительной властью.

Ключевые слова: правовой статус языка, правовое регулирование языков, государственный язык, официальный язык, региональный язык, язык меньшинства, диалект, языковая политика государства

MIKHAIL YU. PETERBURGSKY

National Research University Higher School of Economics, Department of Law
3, Bolshoi Trekhsvjatitselsky lane, Moscow 109028, Russian Federation

E-mail: mpeterburgsky@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-7559-0709

STATE LANGUAGE, OFFICIAL LANGUAGE AND MINORITY LANGUAGE: THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS OF DEFINITIONS AND STATUS REGULATION IN A MULTINATIONAL STATE

Abstract. The implementation of the language rights of citizens living in a multinational state, especially their right to choose a communication language in the public sphere and the right to preserve and develop it, is inextricably linked with the sta-

tus of the language in the state as a whole or in any administrative-territorial unit, such as a region, province, district, rural settlement, etc. The absence of a legislatively recognized status of a non-state language, when it is widely used in a particular area, as well as the non-recognition as separate languages of certain sign systems used by ethnic minorities often serve as a catalyst for social contradictions. At the same time, giving a certain status to a language is a complex task, the solution of which, according to the author, requires an integrated approach that takes into account not only constitutional and legal norms and international standards, but also the linguistic, socio-political, economic and cultural realities prevailing in each specific situation.

The purpose of the research in the framework of this paper was to analyze the main approaches to determining the status of a language, as well as to develop our own concepts of endowing the language with a particular status. The author covers the main classifications of languages by status, both used in domestic and foreign doctrine, and contained in legal provisions. Their advantages and disadvantages are analyzed.

The research methodology included general scientific and special legal methods, among which preference was given to retrospective, statistical and comparative legal methods, as well as modeling, generalization, and legal forecasting methods. An important role in the study was taken by the analysis of the Russian and foreign legal framework, the work of legal scholars and linguists in order to establish the national specifics of regulating the status of languages of ethnic communities in different countries. A special place in the methodological base is occupied by the work of such lawyers as F. de Varennes, A.K. Soboleva, N.V. Shelyutto.

As a result of the study, conclusions were drawn up about the need for an interdisciplinary approach to the legal regulation of the status of languages, including the need to use data from other sciences to derive definitions of the state and official languages, minority languages, and mother tongues. Legal and theoretical problems, in addition to difficulties in deriving definitions, also include finding answers to questions on whether the guarantees for choosing a communication language apply to dialects and signal systems used for communication in a particular community (for example, sign language for deaf people), how many levels of state and official languages can exist in a federal state, how does the "main" state language correlate with the state languages of the constituent entities of the federation and the official languages of autonomies or other national-territorial units, how the legal regulation of the status of various languages is related to the history of the state, political situation and language policy conducted by the legislative and executive branch of power.

Keywords: legal status of languages, legal regulation of languages, state language, official language, regional language, minority language, dialect, state language policy

1. Введение

Язык, «исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного пони-

мания людей в обществе»¹, является важнейшим инструментом социальной коммуникации. В реалиях современных полиэтнических государств одним из центральных векторов внутренней и внешней политики является языковая политика государства, которую также иногда называют «языковым планированием». Эта политика служит идее «интеграции внутренне неоднородного в языковом, культурном и конфессиональном отношении общества в консолидированное сообщество»². Объектом языковой политики могут являться конкретный язык или группа языков и сложившаяся в государстве языковая ситуация, отражающая характер взаимодействия различных языков внутри общества. Языковая политика охватывает широкий целевой пласт — от сохранения и поддержки существующих языков до создания новых, а также изменения положения того или иного языка в государстве или за его пределами. Последнее образует так называемую статусную языковую политику³. Ввиду того что изменение положения (статуса) одного языка, как правило, затрагивает и положение других, статусная языковая политика носит комплексный характер и оказывает влияние на отдельный язык, другие языки и языковую ситуацию в целом. Это приводит, в свою очередь, к расширению или умалению языковых прав этносов. Вести разговор о статусе языка уместно применительно к конкретному государственному образованию, однако вместе с тем нельзя не отметить, что статус языка может быть надэтничен — в этом случае речь идет о роли, положении языка в границах другого государства или международного сообщества в целом.

Особое значение статусная языковая политика приобретает в ситуациях вытеснения или угасания миноритарных языков, при межэтнических конфликтах, поиске языкового единства, реорганизации политико-правового, а вместе с ним и языкового пространства. В связи с этим представляется, что вопрос наделения языка определенным правовым статусом требует прежде всего его выделения в качестве языка большинства населения или языка меньшинств. Это, в свою

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://ozhegov.info/slovar/?q=язык> (дата обращения: 13.05.2019).

² Биткеева А.Н. Национально-языковая политика России: новые вызовы, последние тенденции // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014): Доклады и сообщения. М., 2014. С. 80.

³ См.: Кобенко Ю.В. Языковая политика и языковое планирование в призме регуляции корпуса и статуса титульного языка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Филология. 2010. № 1. С. 184.

очередь, требует разрешения распространенной дилеммы, куда относить диалекты и по отношению к каким языкам выделять языки меньшинств на территориях, где проживает большое количество разных этносов с различной численностью говорящих. Выделение основного языка в качестве государственного, наделение одного языка статусом официального либо регионального и ненаделение им другого, несмотря на то что исторически на одной территории проживают носители обоих языков, — все это требует скрупулезного внимания к фактам.

При этом в законодательстве, а тем более в правовой доктрине, не существует единого подхода к определению основных понятий, которыми можно оперировать при обсуждении подходов к правовому регулированию статуса языков. В частности, повышенного внимания требует анализ подходов к толкованию в праве понятий «государственный язык», «официальный язык», «региональный язык», «язык меньшинства», «родной язык». Ключевой акцент будет сделан на анализ разграничения этих понятий в законодательстве различных государств. Это поможет проследить, какое влияние это разграничение оказывает на регулирование языкового статуса и формирование национальных языковых политик, направленных, с одной стороны, на заинтересованность государств в поддержке управляемости и сохранении территориальной целостности, а с другой стороны, на реализацию ими международно-правовых и конституционно-правовых гарантий прав индивидов и этнических групп на пользование родным языком, его изучение, сохранение и развитие, передачу будущим поколениям⁴.

При проведении исследования был выдвинут тезис, что в современных условиях не может быть выработано единой для всех многонациональных государств политики по регулированию статуса языков и что такой подход к законодательному регулированию, когда проводится только дихотомическое разделение на государственный язык и родные языки, к которым относят языки всех остальных этносов, не имеющих численного большинства, не позволяет обеспечить соблюдение конституционных прав граждан, не принадлежащих к титульной нации. Кроме того, подобный подход не позволяет дифференцированно подойти к правовому регулированию языков в зависимости от числа и потребностей говорящих в различных сферах жизни (государственного управления, судопроизводства, образования, труда и занятости, социально-го обслуживания, сохранения культурного наследия и т.п.). В конечном

⁴ Подробнее о коллективных языковых правах этносообществ см.: *Chen A.H.Y. The Philosophy of Language Rights // Language Sciences. 1998. Vol. 20. No. 1. P. 45–54.*

итоге такое регулирование создает межэтническую напряженность, препятствует распространению, сохранению и развитию различных языков и культур, вызывает недовольство индивидов и этнических сообществ, которые чувствуют себя ущемленными и начинают заявлять требования о языковой дискриминации. Особенно яркая иллюстрация несовершенств указанного подхода к статусному языковому регулированию наблюдается в Латвии, где у русского языка, являющегося родным для более чем трети населения, отсутствует нормативно закреплённый статус, и «он формально является обычным иностранным языком, как китайский или суахили»⁵.

2. Государственный язык vs. официальный язык

Государственный язык часто рассматривается как один из важнейших национально-правовых символов, наряду с флагом, гербом и гимном. Он имеет важное объединяющее значение и особый статус, который закрепляется в конституциях или специальных законах. Так, законодательство Филиппин прямо относит официальные языки (английский и филиппинский) к символам государства⁶. Однако, как и другие понятийные категории, которые составляют предмет анализа в настоящей статье, государственный язык вызывает сложности при попытке его рассмотрения в теоретико-правовом или конституционно-правовом аспекте. Вопрос статуса государственных языков представляется неоднозначным из-за того, что сказываются отсутствие терминологической стройности в законодательстве различных стран и доктрине, множественность подходов к выделению статуса языка, разночтения в понимании одних и тех же терминов. К примеру, согласно классификации статуса языков с точки зрения подходов органов власти к их регулированию, выведенной Х. Клоссом, на которую ссылается немецкий социолингвист С. Мюхлейзен⁷, существует шесть видов языкового статуса:

— единственный официальный язык (немецкий в Германии, французский во Франции, латышский в Латвии);

⁵ Русский язык в Латвии не чужой. URL: <https://lv.sputniknews.ru/infographics/20190910/12370479/Russkiy-yazyk-v-Latvii.html> (дата обращения: 17.08.2020).

⁶ Executive Order No. 292 [BOOK I/Chapter 4-National Symbols and Official Languages]. URL: <https://www.officialgazette.gov.ph/1987/07/25/executive-order-no-292-book-ichapter-4-national-symbols-and-official-languages/> (дата обращения: 24.05.2020).

⁷ Mühleisen S. Creole Discourse: Exploring Prestige Formation and Change Across Caribbean English-lexicon Creoles. Amsterdam, 2002. P. 27.

- совместный официальный язык, имеющий одинаковый статус с другим языком (другими языками) (финский и шведский языки в Финляндии, иврит и арабский в Израиле);
- официальный язык штата или региона федерального государства (татарский в Татарстане, немецкий в провинции Южный Тироль, Италия);
- поощряемый язык, который, несмотря на отсутствие официального статуса, используется в правительственных структурах, а также для коммуникации между правительством и населением (пиджин в Камеруне);
- терпимый язык, использование которого не запрещается, но и не поощряется (языки, используемые в иммигрантской среде);
- сдерживаемый язык, в отношении которого мера реакции государства может варьироваться от мягкого непоощрения до прямого запрещения и преследования носителей этого языка (баскский и каталанский языки при режиме Франко в Испании).

По мнению Т.В. Жеребило, в РФ языки в соответствии с правовым статусом делятся на государственные, официальные, языки коренных малочисленных народов, языки с неопределенным статусом⁸. Помимо этого, понятие самого статуса языка двугранно и подразумевает юридический и фактический статусы. Юридический статус есть «закрепленное в законодательном порядке использование языка в той или иной социально-коммуникативной системе (например, статус государственного языка)», тогда как фактический статус отражает охват фактического распространения языка, его реального использования, этот вид статуса может не иметь законодательного оформления⁹.

Представляется, что понятие «официальный язык» шире понятия «государственный язык», так как понятие официального языка используется как в отношении государств, так и в отношении международных организаций. Так, официальным языком Всемирного банка является английский, Совета Европы — английский и французский, ООН — английский, французский, испанский, русский, арабский и китайский языки. Напротив, государственный язык, в отличие от официального, всегда предполагает связь с каким-либо конкретным государственным образованием.

⁸ См.: Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Назрань, 2016. С. 273.

⁹ См.: там же. С. 367.

Понятия официального и государственного языка можно дифференцировать еще по одному признаку. Согласно выводам экспертов ЮНЕСКО, в 1953 г. поднявших вопрос их разграничения, под государственным языком следует понимать «язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства», тогда как под языком официальным — «язык государственного управления, законодательства, судопроизводства»¹⁰. Определение официального языка, предлагаемое Кембриджским словарем, также тяготеет к формулировке, выдвинутой в документах ЮНЕСКО: «официальный язык — это язык или один из языков, признанных в государстве, который изучается в школах, используется в судебной системе и т.д.»¹¹. В этом контексте трудно говорить о различии в масштабе задач, возлагаемых на официальный и государственный языки, однако очевидным становится то, что государственный язык, помимо прочего, имеет весомое символическое значение.

Иногда между понятиями официального и государственного языка ставится знак тождества. Так, Е.М. Доровских отмечает, что современное российское законодательство «для сферы официального общения использует оба понятия «государственный язык» и «официальный язык». Федеральная конституция и законодательство использует только первое из них; в республиках иногда используются оба понятия, причем второе — в отношении языков национальных меньшинств или коренных малочисленных народов. К сожалению, в законодательстве не раскрывается содержание указанных понятий, что не позволяет сделать прямые выводы о тождестве и различии в их природе»¹².

На политической карте сегодняшнего дня больше ста стран, которые признают два или более языков в качестве официальных. Ряд стран, таких как Боливия (37 официальных языков) и Индия (23 официальных языка) отличаются тем, что «лингвистический плюрализм» имеет место не только де-факто, но и де-юре. Абсолютным лидером по распространению среди языков считается английский, который

¹⁰ *Нерознак В.П., Орешкина М.В., Сабаткоев Р.Б.* Русский язык в российском законодательстве // Полилог. 2001. № 1. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_73 (дата обращения: 20.05.2019).

¹¹ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/official-language> (дата обращения: 20.05.2019).

¹² *Доровских Е.М.* К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 11.

имеет статус официального более чем в 50 странах. Далее следуют французский, арабский и испанский языки, мировое распространение которых можно увязать с колониационными процессами, имевшими место в Средние века и позднее.

Правовед Н.В. Шелютто приводит ключевую совокупность признаков, которым должен быть наделен государственный язык: это закрепление статуса такого языка в конституции государства, защита и охрана языка со стороны государства, всестороннее использование языка в публичной сфере, в том числе в судопроизводстве, в деятельности органов власти, в законодательстве¹³. Эти и другие сферы использования государственного языка Российской Федерации приведены в ст. 3 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Это укрепляет вывод о том, что государственный язык — это и важнейший символ государства, атрибут национальной государственности, и средство деловой коммуникации в подавляющем большинстве сфер жизнедеятельности граждан государства. Важным моментом при наделении того или иного языка статусом государственного является невозможность произвольного выбора государственного языка, его выбор всегда строго предопределен территорией, исторической традицией. Совершенно очевидным является тезис о том, что государственный язык должен обладать значительным лексическим багажом, устойчивой письменной и литературной традицией.

Понятие государственного языка является составным и его можно разложить на две более мелкие категории: государственный язык государства в целом и государственный язык отдельных регионов (региональный язык), о котором пойдет речь далее.

Понятие государственного языка относительно ново для российской практики — оно стало встречаться в отечественной литературе лишь с конца 1980-х. До этого широко использовались термины «язык союзной республики», «язык большинства населения данной местности» и т.д. Е.М. Доровских винит в таком подходе В.И. Ленина, «который резко отрицательно относился к введению обязательного государственного языка как противоречащего пролетарскому интернационализму и не обеспечивающего полное равноправие всех наций и языков»¹⁴.

¹³ См.: Шелютто Н.В. Законодательство о развитии и использовании языков народов СССР. М., 1990. С. 11.

¹⁴ Доровских Е.М. Указ. соч. С. 9.

3. Миноритарные языки в полиэтническом государстве

Под миноритарным языком принято понимать язык, на котором говорит меньшинство населения той или иной территории. Миноритарные языки всегда привязаны к каким-либо конкретным этническим общностям, составляющим совокупно население полиэтнического государства. Согласно М.Х. Фарукшину, «характерной чертой языков этнических общностей, доминирующих в субъектах таких государств, является территориальная ограниченность их функционирования. Так, в Бельгии французский язык используется, главным образом, на территории Валлонии, а действие нидерландского языка ограничено пределами Фландрии»¹⁵. Миноритарный язык может иметь официальный статус в государстве, быть признан в качестве регионального языка или одного из государственных языков административной единицы государства (но не может быть одним из государственных языков «на федеральном уровне»), а может не иметь никакого статуса. В контексте канадского «двуязычия» под миноритарным языком (*minority language*) понимается один из двух официальных языков, получивший в рамках провинции или территории Канады меньшее распространение, чем другой¹⁶ (английский в Квебеке, французский в остальных субъектах).

Статья 1 части 1 Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств 1992 г. устанавливает, что «языки меньшинств означают языки, которые традиционно используются на данной территории государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства», и «отличаются от официального языка (языков) этого государства»¹⁷. Хартия не делает различия между региональным языком (*regional language*) и языком меньшинства (*minority language*), и это представляется обоснованным ввиду того, что этноменьшинство — носитель языка за редким исключением (цыгане) исторически рассредоточено в определенной конкретной местности.

В большинстве европейских стран языки меньшинств закреплены в законодательстве, зачастую положения о них закреплены в кон-

¹⁵ Фарукшин М.Х. Статус официальных языков этнических общностей в полиэтнических государствах // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 78.

¹⁶ Canadian Charter of Rights and Freedoms: Section 23. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/page-15.html> (дата обращения: 08.06.2019).

¹⁷ Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/rms/090000168007c098> (дата обращения: 10.06.2019).

ституциях, декларируется поддержка развития этих языков. Так, в разделе 17 Конституции Финляндии¹⁸ указано право личности на язык и культуру — помимо финского и шведского большинства, «саами как древние обитатели страны, а равно цыгане и другие группы вправе сохранять и развивать свои собственные языки и культуру». Языковые сообщества Финляндии, в частности те, которые принадлежат к коренным народам, имеют право на содержание и развитие своего языка. Существует дополнительное право для конкретной этногруппы — саами: это право использовать саамский язык при общении с государственными и муниципальными властями.

В соответствии со ст. 19 Конституции Австрии право на сохранение и развитие языка предоставляется всем этническим меньшинствам, равноправны все языки, используемые в регионах в сферах образования, государственного управления и общественной жизни. Кроме того, у выходцев из этнических общин имеется право на образование на их родном языке: «в землях, в которых проживает несколько национальных меньшинств, публичные учреждения в области образования должны быть организованы таким образом, чтобы никакое из этих национальных меньшинств не принуждалось к изучению второго языка, употребляемого в какой-либо земле, и имело необходимые средства для обучения на своем языке»¹⁹.

В Конституции Хорватии указано²⁰, что в ряде регионов в официальное использование может быть введен другой язык и кириллица (официальным алфавитом, принятым в государстве, является латиница). В восточной части Хорватии на местном, муниципальном уровне в качестве официального языка введен сербский. Каждый муниципалитет, где этническое меньшинство представляет более одной трети населения, может ввести язык меньшинства в официальное использование.

Законодательство Чехии содержит множество специальных постановлений и актов, которые касаются прав меньшинств. Так, специальный статус предоставляется словацкому языку, который может быть языком административных и иных процедур. Выходцы из этнических меньшинств, которые традиционно и на долгосрочной основе проживают на территории Чешской Республики, пользуются пра-

¹⁸ Конституция Финляндии. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=139> (дата обращения: 10.06.2019).

¹⁹ Конституция Австрии. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=159&page=11> (дата обращения: 10.06.2019).

²⁰ Конституция Хорватии. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=107> (дата обращения: 10.06.2019).

вом использовать свой язык в общении с властями, а также в области судопроизводства. Помимо словацкого языка, официально признанными языками меньшинств Чехии являются немецкий, русский, русинский, болгарский, хорватский, греческий, венгерский, польский, цыганский, сербский и украинский. В отличие от многих других европейских стран языковые права меньшинств не ограничены на региональном уровне (уровне субъекта) и могут находиться на территории всей страны. Такая языковая политика, очевидно, связана с тем, что в Чешской Республике очень велико политическое лобби меньшинств, равно как и сама доля меньшинств, проживающих в различных регионах государства.

Обращаясь к практике арабских стран, интересно отметить, что Найвашское соглашение 2005 г., положившее конец второй гражданской войне в Судане, также устанавливает положение, что миноритарные (малые) языки должны быть охраняемы, им гарантируется развитие и защита. Вместе с тем подчеркивается статус арабского и английского языков как государственных. Статьей 2.8.3 Соглашения закрепляются их роль в государственном управлении и образовательном секторе. Тем не менее ст. 2.8.4 Соглашения устанавливает, что в дополнение к арабскому и английскому языкам региональные органы власти могут утвердить любой другой национальный язык (или языки) в качестве дополнительного официального рабочего языка (языков) в рамках своего субъекта²¹, таким образом, официально распространив их и на образование, и на отношения в публичной сфере. Это представляется здоровой практикой, во-первых, ввиду неразумности наделяния миноритарного языка, распространенного в отдельной конкретной местности, статусом общегосударственного, во-вторых, ввиду лучшей аккумуляции информации о языковых потребностях местного населения на региональном, а не на общенациональном уровне.

Таким образом, правовой статус регионального языка отражается в законодательстве административно-территориальной единицы государства, где он получил распространение — провинции, края, штата и т.д. Важно отметить, что такой язык не может быть языком мигрантов, а также диалектом государственного языка (о разделении языков и диалектов пойдет речь позднее), хотя в современной практике и име-

²¹ Comprehensive Peace Agreement. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/SD_060000_The%20Comprehensive%20Peace%20Agreement.pdf (дата обращения: 26.05.2020).

ют место попытки признать отдельный диалект региональным языком (вырусский диалект эстонского). Степень родства регионального языка с государственным может быть разной: от близкого родства до принципиальной «непохожести»: например, учеными установлено, что баскский язык, имеющий статус регионального в северных регионах Испании и южных регионах Франции, не только не относится к романской языковой семье, но и вообще не принадлежит к индоевропейским языкам, а его происхождение доподлинно установить невозможно²².

Региональный язык или язык меньшинства видится понятием наднациональным. Так, русский язык признан региональным языком в Армении, Румынии, Польше — эти страны ратифицировали Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств в 2002, 2007 и 2009 гг. соответственно. Ряд стран уклонились от ратификации Хартии. Так, Грузия считает мегрельский и сванский языки диалектами грузинского, на этой почве отказывая им в статусе региональных языков. Власти Эстонии обуславливают свое нежелание ратифицировать Хартию по причине «недавнего происхождения» языковых меньшинств (по-видимому, имеется в виду русскоязычная община, массово распространившаяся в странах Балтии уже после формирования СССР). Однако доля русского населения в отдельных городах стран Балтии превышает порог в 50%: к примеру, в Нарве (Эстония) русский язык является основным средством для общения, используется в официальной сфере; по данным на 2013 г., русские составили 82,21% населения города²³. Тем не менее русский язык в Эстонии не наделен никаким правовым статусом.

Региональный язык может иметь, а может не иметь статус официального в другом государстве. Примеры языков с таким (двойным) статусом:

- русский (официальный — в РФ и Республике Беларусь, региональный — в Румынии, Армении, Абхазии);
- немецкий (официальный — в Германии, Австрии, Бельгии, Швейцарии и др., региональный — в Италии, Польше, Франции, Дании и Намибии);
- турецкий (официальный — в Турции и Кипре, региональный — в Косово);

²² См.: Basque: A Language Isolate. URL: <https://www.daytranslations.com/blog/2014/01/basque-a-language-isolate-3638> (дата обращения: 11.06.2019).

²³ См.: Нарва в цифрах 2013. URL: <http://www.narva.ee/files/7096.pdf> (дата обращения: 15.04.2019).

- африкаанс (официальный — в ЮАР, региональный — в Намибии);
- каталанский (официальный — в Андорре, региональный — в Испании, Франции, Италии).

В большинстве случаев региональный язык наделяется соответствующим статусом. В ст. 68 Конституции РФ содержится право республик устанавливать свои государственные языки: татарский — в Татарстане, чеченский — в Чечне, адыгейский — в Адыгее и т.д. Помимо республик, автономные округа РФ вправе устанавливать свои государственные языки, официальный статус которых определяется в законодательстве автономного округа. Согласно международной доктрине статус таких языков можно определить как региональный, однако российское законодательство не обращается к данному понятию. Существует и определенная защита региональных языков на уровне законодательства субъектов РФ. В соответствии с законодательством Республики Саха (Якутия) «эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и используются наравне с государственными языками»²⁴. Так, согласно Закону Республики Карелия от 19 марта 2004 г. № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия»²⁵, карельский, а также финский и вепсский языки могут использоваться в работе органов государственной власти и местного самоуправления Республики Карелия. Это языки карельских этноменьшинств — вепсов, карелов, финнов-ингерманландцев. Закон содержит перечень мер, направленных на сохранение и развитие языков этих меньшинств — это издание литературы на языке, поддержка СМИ и национальных образовательных организаций.

Отдельным подвидом миноритарных языков видятся автохтонные (аборигенные, коренные) языки, которыми пользуются коренные народы в местах их исторического расселения. Несмотря на то что все языки в прямом смысле этого слова являются автохтонными, данное понятие корректно употреблять лишь в отношении крайне малочисленных языков или языков исчезающих; оно неприменимо в отно-

²⁴ Статья 6 Закона Республики Саха (Якутия) от 16 октября 1992 г. № 1170-ХП «О языках в Республике Саха (Якутия)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/804911252> (дата обращения: 05.04.2019).

²⁵ Закон Республики Карелия от 19 марта 2004 г. № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» // СПС «КонсультантПлюс».

шении татарского или чувашского языков, но применимо, к примеру, в отношении языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Тем не менее важно подчеркнуть, что в современном российском законодательстве отсутствует какой-либо унифицированный термин, определяющий языковое меньшинство, кроме термина «коренные малочисленные народы». Законодательство обращается к весьма разрозненному списку терминов, обозначающих похожие явления, но не объединяет и не дифференцирует их по какому-либо признаку. Так, А.К. Соболева отмечает, что в разных нормативных актах встречаются формулировки: «малочисленные народы», «коренные народы», «этнические общности», «культурно-этнические общности», «национальные общности», «национальные группы», «этнические группы», «малые национальности», «этнокультурные сообщества», «малочисленные народности»²⁶. Таким образом, можно говорить о разрозненности и бессистемности российского законодательства в части классификации языков по статусу. Параллельно с этим справедливо замечание А.К. Соболевой о том, что группа «коренные малочисленные народы» исключается из групп национальных меньшинств, так как права коренных малочисленных народов защищаются особым законом — Федеральным законом от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Этим законом устанавливается возможность ведения официального делопроизводства на языках коренных малочисленных народов (ненцев, селькупов и т.д.), при самостоятельном определении порядка использования языков органами местного самоуправления. Так же, как и в Республике Карелия, в местах проживания коренных малочисленных народов Севера визуальная информация (географические обозначения, указатели) может оформляться на родном языке местного населения. В обеспечение этих же целей осуществляется перевод законов и других нормативных актов на языки соответствующих этноменьшинств.

В целом отечественное законодательство в части норм о защите миноритарных языков уступает аналогичному в странах Европы. Представляется, что необходимо расширить возможности использования в публичной сфере миноритарных языков, расширить сферы их распространения. Однако в свете недавних законодательных измене-

²⁶ Соболева А.К. Языковые права национальных меньшинств: проблемы защиты // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации / Под общ. ред. В.М. Баранова; науч. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород, 2003. С. 152.

ний, связанных с умалением роли миноритарных языков в образовании (закон о добровольном выборе языка образования и изучаемого языка в национальных субъектах РФ²⁷), это видится затруднительным и требующим конструктивного диалога государства с представителями этноменьшинств, ориентированными на сохранение и защиту родного языка. В дополнение к этому, нормативное регулирование миноритарных языков в субъектах РФ встречает и другую проблему: в первую очередь она касается регионов с неоднородной этнолингвистической ситуацией при условии проживания в регионе крупных этносообществ, статусы языков которых определены без учета численности и потребностей представителей этносообщества. Такова, например, ситуация в Башкортостане, где русский и башкирский являются государственными языками субъекта, татарский же язык, несмотря на значительную численную представленность соответствующего этноса в республике, напротив, не имеет законодательно определенного статуса. Это обстоятельство в течение многих лет вызывает озабоченность и недовольство представителей татарского населения республики. В этом свете становится особенно актуальным вопрос, по какой модели будет эффективно организовать регулирование языков в таких субъектах: нужно ли двухуровневое регулирование (один государственный язык — русский, и родные языки) либо требуется трехуровневое регулирование (государственный язык РФ, государственный язык субъекта и родные языки этнических меньшинств). Представляется, что идеального, унифицированного варианта, пригодного для распространения на все «сложные» регионы, нет. Ключевым определяющим моментом во всякой ситуации будет поиск баланса интересов этносообществ, исходя, в том числе, из численного фактора, представленности этноса в культурной и политической жизни региона, исторического проживания в регионе и т.п. Смежной проблемой является и то, что именно в отдельных случаях допустимо считать родным языком. К настоящему времени процессы естественного «умирания» некоторых языков разрушили связь этнической принадлежности ряда этносов с их историческим языком. Так, если на протяжении долгих столетий историческим языком телеутов являлся телеутский язык, то сейчас большинство телеутов не владеет телеутским; таким образом, русский язык является их единственным родным. Для эффективного правового разрешения каждого конкретного слу-

²⁷ Принят закон об изучении родных языков. URL: <http://duma.gov.ru/news/27720/> (дата обращения: 01.08.2019).

чая в части статусного распределения требуется привлечение социологического инструментария.

От понятия миноритарного языка — языка меньшинства (*minority language*) необходимо отличать фонетически близкое ему использующееся в англоязычной доктрине понятие *minoritized language*. Первоочередное, наиболее распространенное толкование этого понятия подразумевает запрещаемый, преследуемый либо вытесняемый язык. Согласно второму толкованию, данное понятие необходимо употреблять в качестве синонима языка меньшинства (*minority language*)²⁸, так как оно так же отражает степень распространенности языка, количество его носителей. В обоих случаях *minoritized language* противопоставляется титульному, доминантному языку, однако в первом случае коннотация этого противопоставления сугубо негативна. «Миноритаризация» языка зачастую связана со стремлением государства установить общий язык торговли, административных отношений либо прийти к языковой однородности по идеологическим причинам. Последствиями такой антиправовой политики является выключение языка из образовательной сферы, резкое падение уровня владения языком его историческими носителями. Всплеск этого явления связан с феноменом языкового империализма, который неуклонно привлекает внимание исследователей начиная с 1990-х гг. Идеология языкового или лингвистического империализма, теневая, а иногда и открытая реализация которой наблюдается повсеместно и на многих уровнях, подразумевает активную поддержку монолингвизма, критику преимуществ языкового многообразия, искусственное закрепление правового и социокультурного неравенства между носителями титульного и «нежелательных» языков. В качестве *minoritized languages* можно назвать ряд кельтских языков Великобритании, ряд региональных языков Франции (окситанский, бретонский, баскский, каталанский), языки населения бывшего колониального пространства Африки и Азии, в которых сохранилось и насаждается значительное влияние европейских языков, в частности, английского²⁹. Языковой империализм представляется одной из самых опасных и влиятельных форм лингвизма — языковой дискриминации. Насаждаемая антиправовым нормативным регулированием «миноритаризация» языков

²⁸ См.: Spolsky B., Hult F.M. The Handbook of Educational Linguistics. Hoboken, NJ, 2010. P. 266.

²⁹ Подробнее см.: Phillipson R. Lingua franca or lingua frankensteinia? English in European integration and globalisation // World Englishes. 2008. Vol. 27. No. 2. P. 250–267.

постепенно приводит к неприятию языков меньшинства, падению их престижа, формированию мнения об этих языках как о маргинальных, неприличных для использования³⁰, что активно содействует задаче вытеснения этих языков из публичного пространства, не говоря уже о языковой дискриминации носителей.

4. Язык или диалект: лингвистическая дискуссия с правовыми последствиями

Решение вопроса о том, «является ли некоторая языковая разновидность (идиом) языком или диалектом, относится к одной из сложных проблем лингвистики, причем последствия такого решения могут выходить и далеко за ее пределы»³¹. Проблема, над которой работали ведущие российские и зарубежные лингвисты, до сих пор не имеет единого, универсального решения. В связи с этим при определении, можно ли считать некий идиом отдельным языком или только диалектом (разновидностью языка, используемого в качестве средства общения людьми, объединенными одной территорией), необходима оговорка, какие критерии применяются для решения данного конкретного случая. Дифференциация языка от диалекта — важная задача, преследующая множество целей: от правовых и политических, служащих разработке программ по сохранению языков, нормативному регулированию и планированию до статистических (подсчет количества языков или диалектов в рамках страны, отдельного региона) и научных (стремление к терминологической упорядоченности)³². С правовым аспектом этой дифференциации плотно сопряжен вопрос наделения идиома, признанного языком, законодательно закрепленным статусом для того, чтобы обеспечить соблюдение международных стандартов в области сохранения и защиты языковых прав и не допустить языковой дискриминации.

Принимая во внимание вышесказанное, представляется, что задача разграничения языков и диалектов является востребованной и актуальной как с правовой и социополитической точки зрения, так

³⁰ См.: Davis K.A., Phyak P. Engaged Language Policy and Practices. London, 2016. P. 19.

³¹ Коряков Ю.Б. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 79.

³² См.: Романова О.И., Кибрик А.А., Коряков Ю.Б. Презентация новых книг лингвистической энциклопедии «Языки мира» (Москва, 31 марта 2014 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 2. С. 166–172.

и с точки зрения научной — лингвистической и этнографической. Какие же существуют критерии для выделения языка в качестве отдельного, самостоятельного? Прежде всего необходимо оговориться, что критериев, предлагаемых различными научными школами, множество, поэтому для удобства рационально разделить их на две категории — лингвистическую и социополитическую группу критериев.

Лингвистическая группа критериев объединяет критерии структурного характера, не апеллирующие к внешним, социальным, правовым и политическим факторам. Разработка этих критериев является трудоемкой задачей ввиду необходимости выделения специфических признаков сравнения идиомов. Так, среди лингвоструктурных критериев большое распространение получил лексикостатистический критерий (иначе: критерий измерения структурных различий), основанный на сравнении списков слов, присущих анализируемым идиомам, и последующем подсчете процента совпадения в базовой лексике этих идиомов. В процессе исследования лингвисты, как правило, пользуются базовым списком Сводеша³³ или его эквивалентами, которые аккумулировали перечень универсальных, типичных для любой культуры понятий, пригодных вследствие этого для сравнительного анализа. Этот способ разграничения идиомов удобен своей универсальностью и независимостью от внешних факторов. Еще одним критерием сравнения является взаимопонятность идиомов³⁴: если при разговоре носитель одного идиома хорошо понимает носителя другого, речь идет о диалектах, если понимание существенно затруднено, можно говорить о двух разных, самостоятельных языках. Однако представляется, что этот критерий отягощен значительным недостатком в виде субъективизма, который неизбежно выявляется на практике. Так, результат лингвистического эксперимента зависит от тематики разговора, уровня владения одним из носителей идиомом своего собеседника, личного настроения собеседников друг к другу, благодаря чему взаимопонимание облегчается или же, наоборот, затрудняется. Отдельные исследователи в качестве критерия выделяют также наличие устойчивой переводческой традиции с одного идиома на другой — наличие такой традиции «свидетельствует, как правило, о том, что перед нами два самостоятельных языка: с диалекта на литературный язык, рав-

³³ См.: Swadesh M. Towards greater accuracy in lexicostatistic dating // International Journal of American Linguistics. 1955. Vol. 21. No. 2. P. 121–137.

³⁴ См.: Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: Учебник для вузов. М., 2001. С. 48–53.

но как и с литературного языка на диалект, как правило, не переводят»³⁵. Однако такая традиция может иметь место, даже если идиомы относительно взаимопонятны: в этом случае переводческая тенденция является иллюстрацией стремления этносообщества повысить статус своего идиома, обозначить свою культурно-языковую самобытность, автономность от соседей. В качестве примера можно привести хорватских националистов 1970–1980-х, стремившихся переводить сербско-язычные произведения на хорватский язык при том, что зачастую перевод требовал замены лишь одного слова в предложении. Еще одним критериям лингвистической группы является сравнительно-исторический критерий, с помощью которого отыскиваются «генетические» связи между идиомами. Однако представляется, что данный критерий не вполне самодостаточен, вследствие чего его целесообразно применять вкупе с другими критериями.

Заслуживающим доверия критерием дифференциации диалекта от языка, принадлежащим к лингвистической группе, можно считать наличие либо отсутствие общего письменного (литературного) стандарта. Так, если два идиома имеют общий письменный стандарт, это свидетельствует о том, что оба идиома — это диалекты одного языка. Применение этого критерия ограничено географически — он применим лишь к регионам с развитыми и устойчивыми традициями письменности.

Социополитическая группа критериев разграничения языка и диалекта представляет в ключе настоящего исследования наибольший интерес. Так, одним из очевидных критериев является так называемое языковое самосознание носителей идиома — присущее им представление о том, каким языком они пользуются³⁶: если носители идиома считают свой идиом отдельным языком, а не диалектом, следовательно, согласно данному критерию используемый ими идиом надлежит считать отдельным, самостоятельным языком. Однако с научной точки зрения этот критерий не терпит никакой критики, во-первых, ввиду того, что коренное население какой-либо местности часто склонно считать свой идиом обычным, простым, обыкновенным языком (при этом определяя свой этноним как «местные», «тутошние», как в случае с жителями Полесья), а во-вторых, ввиду того, что понятие о категорийной принадлежности своего идиома часто формируется, навязывается извне —

³⁵ Мусорин А.Ю. Что такое отдельный язык? // Сибирский лингвистический семинар. 2001. № 1. URL: <http://lingvotech.com/chtotakoeotde> (дата обращения: 10.01.2019).

³⁶ См.: Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 1994. С. 94.

государством, средствами массовой информации. Так, Ю.Б. Коряков приводит в пример черногорский язык, «само название которого появилось лишь в конце 1990-х гг. (до этого языком большинства населения был сербскохорватский, а еще ранее — сербский)»³⁷. Зачастую носители идиома испытывают существенные затруднения при классификации идиома в качестве языка или диалекта. Принимая во внимание сказанное, становится очевидным, что «дифференция «язык — диалект» лингвистически не искушенному индивидууму не дана»³⁸.

К этому же критерию примыкает и критерий наличия либо отсутствия отдельного лингвонима для определения своего идиома, которым пользуется население. Тем не менее этот критерий встречает те же проблемы, что и предыдущий: лингвоним нередко насаждается извне, кроме того, если некое сообщество убеждено в качественных отличиях своего идиома от языка соседей, оно не станет пользоваться лингвонимом «соседского» языка, введя свой, аутентичный лингвоним.

Лежащим, казалось бы, на поверхности, но весьма неоднозначным критерием является разграничение идиомов сообразно с этнопринадлежностью их носителей³⁹. Так, если в рамках одного этносообщества функционируют два идиома, они считаются одним языком, если же каждому идиому соответствует отдельный, только ему присущий этнический состав носителей, целесообразно говорить о двух разных языках. Однако существует справедливое мнение, что главенствующим, определяющим компонентом этничности является именно язык, в связи с этим данный критерий применим с изрядной долей условности, к тому же четкое соответствие этносообщества только одному языку (и наоборот) в наши дни практически не встречается. К примеру, англичане, англо-канадцы и австралийцы говорят по-английски, а внутри мордовского этноса используются мокшанский, эрзянский и русский языки.

Особое значение в разграничении языков и диалектов имеет политический фактор, который может оказывать значительное влияние на восприятие идиома как этносообществом-носителем, как лингвистами-профессионалами. Политический фактор здесь реализуется путем осуществления языковой политики и нормативного регулирования

³⁷ Коряков Ю.Б. Указ. соч. С. 84.

³⁸ Калынь Л.Э. Диалектологический аспект проблемы «язык и диалект» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 1. С. 38.

³⁹ Подробнее см.: Brown R. On criteria for identifying language groups and language clusters // Notes on Sociolinguistics. 1998. Vol. 3. No. 1. P. 3–42.

ния, принятия норм о языке и внесения корректив в существующее языковое законодательство. К классическим примерам можно отнести влияние законодательных положений на название языков. Так, в законодательстве Малайзии для малайского языка закреплено наименование «малайзийский язык», тогда как в Индонезии малайский язык именуется индонезийским. Весьма пестро это явление преломляется и на территории бывшей Югославии, в которой государственным считался сербохорватский язык, согласно Большой советской энциклопедии, «язык сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев-мусульман»⁴⁰. После распада Югославии каждое и новообразовавшихся государств, за исключением Македонии и Словении, вместо единого сербохорватского закрепило в законодательстве собственный язык, руководствуясь идеологическими мотивами, в силу которых в свое время был «введен» и единый сербохорватский язык. Любопытен также молдавско-румынский опыт: в советский период молдавский язык выделялся в качестве языка, отдельного от румынского, в настоящее же время бывший «молдавский язык» переведен на латинскую письменность и получил наименование румынского. В самой Румынии русинский язык⁴¹, считающийся на Украине диалектом украинского, имеет статус отдельного, самостоятельного языка. Несмотря на ратификацию Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, Украина не признает русинский язык (по всем признакам могущий притязать на статус регионального) в качестве самостоятельного и отказывает ему в защите.

Выявление региональных языков и наделение их соответствующим правовым статусом зачастую встречает ряд препятствий. Ряд государств склонен отказывать этническим общностям в национальной самоидентификации, определяя их язык лишь в качестве диалекта государственного. Подобные отказы придать идиому правовой статус регионального или государственного языка часто продиктованы политической конфронтацией с государствами-соседями, в которых данный идиом уже имеет статус отдельного языка. Автору настоящей статьи представляется, что наделение идиома статусом отдельного языка должно получить распространение в случаях, если данный идиом является стандартизированным литературным языком для этноса-носителя (так, русинский язык имеет три литературных варианта — пряшевский ру-

⁴⁰ Большая советская энциклопедия. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2040456.html> (дата обращения: 10.08.2019).

⁴¹ Русины — восточнославянский этнос, проживающий на западе Украины, в Словакии, Польше, Венгрии и Румынии.

синский, южнорусинский и лемковский), обладает определенной политической и социальной силой, а его носители исторически сосредоточены на определенной компактной территории. При этом отдельный язык, как представляется, должен обладать определенным социолингвистическим престижем — не должен являться провинциальным говором, характерным для отдельно взятой местности.

По мнению автора настоящей статьи, правовое значение различия диалектов и языков является более значимым, чем лингвистическое, поскольку оно позволяет получить понимание того, не лишаются ли граждане их лингвистических прав, которые связаны со статусом родного языка или языка меньшинства, при том, что их язык ошибочно считается диалектом. Таким образом, теоретико-правовые дискуссии о содержании и границах понятий прямым образом отражаются на формировании, реализации и результатах статусной языковой политики. Спор, являются ли молдавский и румынский одним языком или двумя языками, имеет больше политико-правовое значение, чем лингвистическое. Если люди, живущие в двух странах, осознают себя в качестве единой общности, они склонны настаивать на одном общем названии для языка, и напротив, если они желают дистанцироваться друг от друга, обособить свою национальную идентичность, то они будут настаивать на том, что их языки — это разные языки.

5. Заключение

Статус языка является одним из ключевых вопросов в контексте формирования и осуществления языковой политики и планирования. Вопрос разграничения статуса языка в одном случае — если речь идет о понятиях «государственный язык» и «официальный язык» — имеет скорее доктринальное значение, представляющее интерес для исследователя-теоретика. Тогда как разграничение языка и диалекта, наделение языков меньшинств законодательно оформленным статусом имеют значение принципиальное — как этнолингвистическое, так и политическое. В этом ключе лингвистическая составляющая выходит в политическую плоскость, именно поэтому небрежность в разрешении вопроса статусного распределения, игнорирование интересов этноменьшинств, навязываемая моноязычность может привести к серьезным последствиям, в том числе и политического порядка.

Понятие языка меньшинства автор склонен уподобить понятию регионального языка вследствие того, что этническое меньшинство за незначительным исключением всегда имеет географически,

и в большинстве случаев административно определенный ареал компактного проживания (национальный субъект). Задача сохранения и развития языка меньшинства наднациональна, так как политическая граница государств — явление более динамичное, чем историческое движение народов по географической карте. Вследствие этого носители одного языка нередко оказываются в сопредельных государствах. Наделение языка статусом регионального с вытекающим пакетом прав и гарантий для его носителей, само выявление таких языков представляется нетривиальной и важной задачей, остро стоящей на повестке сегодняшнего дня.

В результате исследования делается вывод о том, что современные реалии не благоприятствуют выработке единой для всех полиэтнических государств политики регулирования статуса языков. Кроме того, распространенный подход к нормативному регулированию, признающий лишь дихотомическое разделение на государственный язык (титульной нации) и родные языки (куда включаются языки всех остальных этноменьшинств), не ведет к обеспечению соблюдения конституционных прав граждан, которые не принадлежат к титульной нации. Данный подход не позволяет осуществить гибкое и дифференцированное нормативное регулирование языков, основываясь на учете числа и потребностей говорящих в различных сферах жизни, включая государственное и муниципальное управление, судопроизводство, образование, труд и занятость, социальное обслуживание и т.д. Таким образом, подобное регулирование катализирует острые социальные противоречия, межэтническую напряженность, блокирует распространение, сохранение и развитие языков и культур, вызывает недовольство этносообществ и отдельных граждан — носителей языка, чувствующих себя ущемленными и вследствие этого мотивированных к заявлению требований о языковой дискриминации.

Представляется, что идеальная модель нормативного регулирования должна базироваться на принципе так называемой скользящей шкалы⁴² и зависеть от учета многих факторов одновременно. Эти факторы: компактность проживания, общая численность населения местности, способность самого языка обслуживать не только быто-

⁴² См.: *De Varennes F.* Language as a right in international law: limits and potentials. In: Richter D., Richter I., Toivanen R. and Ulasiuk I. (eds). *Language Rights Revisted — The Challenge of Global Migration and Communication*. Berlin, 2012. P. 41–61; *Соболева А.К.* Дискриминация по признаку языка. Вступительная статья // *Защита личности от дискриминации*. Хрестоматия / Под общ. ред. А.К. Соболевой. Т. 2. М., 2009. С. 142.

вую сферу, но и административную, образовательную, научную, политическую; а также желание самих носителей языка использовать его за пределами семейно-бытовых отношений. Помимо этого, вектор правового регулирования должен зависеть от того, является ли язык исчезающим или, наоборот, активно используется молодым поколением, ставится ли цель только сохранить язык как объект культурного многообразия или он воспринимается говорящими как часть их права на самовыражение, на национальную идентичность. Вдобавок, осуществляя правовое регулирование статуса языков, необходимо учитывать, какое число языков активно используются на данной территории. Нормативно устанавливаемые на национальном и региональном уровнях меры охраны, защиты и развития миноритарных языков должны иметь строгую зависимость от указанных выше факторов, ими же должна быть обусловлена и целесообразность выбора самого уровня регулирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: Учебник для вузов. М.: Издательство РГГУ, 2001.

Биткеева А.Н. Национально-языковая политика России: новые вызовы, последние тенденции // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014): Доклады и сообщения. М.: Институт языкознания РАН, 2014. С. 80–88.

Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 8–20.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Назрань: Пилигрим, 2016.

Калнынь Л.Э. Диалектологический аспект проблемы «язык и диалект» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 1. С. 34–45.

Кобенко Ю.В. Языковая политика и языковое планирование в призме регуляции корпуса и статуса титульного языка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Филология. № 1. 2010. С. 184–192.

Коряков Ю.Б. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 79–101.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 1994.

Мусорин А.Ю. Что такое отдельный язык? // Сибирский лингвистический семинар. 2001. № 1. URL: <http://lingvotech.com/chtotakoeotde> (дата обращения: 10.01.2019).

Нерознак В.П., Орешкина М.В., Сабатков П.Б. Русский язык в российском законодательстве // Полилог. 2001. № 1. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_73 (дата обращения: 20.05.2019).

Романова О.И., Кибрик А.А., Коряков Ю.Б. Презентация новых книг лингвистической энциклопедии «Языки мира» (Москва, 31 марта 2014 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 2. С. 166–172.

Соболева А.К. Дискриминация по признаку языка. Вступительная статья // Защита личности от дискриминации. Хрестоматия / Под общ. ред. А.К. Соболевой. Т. 2. М.: Новая юстиция. 2009. С. 135–159.

Соболева А.К. Языковые права национальных меньшинств: проблемы защиты // Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации / Под общ. ред. В.М. Баранова; науч. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. С. 148–163.

Фарукишин М.Х. Статус официальных языков этнических общностей в полиэтнических государствах // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 77–87.

Шелютто Н.В. Законодательство о развитии и использовании языков народов СССР. М.: Знание, 1990.

Brown R. On criteria for identifying language groups and language clusters // Notes on Sociolinguistics. 1998. Vol. 3. No. 1. P. 3–42.

Chen A.H.Y. The Philosophy of Language Rights // Language Sciences. 1998. Vol. 20. No. 1. P. 45–54.

Davis K.A., Phyak P. Engaged Language Policy and Practices. London: Taylor & Francis, 2016.

De Varennes F. Language as a right in international law: limits and potentials. In: Richter D., Richter I., Toivanen R. and Ulasiuk I. (eds). Language Rights Revisted — The Challenge of Global Migration and Communication. Berlin: Wolf Legal Publishers, 2012.

Mühleisen S. Creole Discourse: Exploring Prestige Formation and Change Across Caribbean English-lexicon Creoles. Amsterdam: John Benjamins, 2002.

Phillipson R. Lingua franca or lingua frankensteinia? English in European integration and globalisation // World Englishes. 2008. Vol. 27. No. 2. P. 250–267.

Spolsky B., Hult F.M. The Handbook of Educational Linguistics. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2010.

Swadesh M. Towards greater accuracy in lexicostatistic dating // International Journal of American Linguistics. 1955. Vol. 21. No. 2. P. 121–137.

REFERENCES

Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001) *Sotsiolingvistika: Uchebnik dlya vuzov* [Sociolinguistics: University textbook]. Moscow: RSUH Publishing house. (in Russ.)

Bitkeeva, A.N. (2014) Natsional'no-yazykovaya politika Rossii: novyye vyzovy, posledniye tendentsii [National-language policy of Russia: new challenges, recent trends]. In: Bitkeeva, A.N. (ed.) Language policy and language conflicts in the modern world: Proceedings of All-Russian Scientific Conference, 16–19 September 2014, Moscow, Russia. Moscow, *Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences*, pp. 80–88. (in Russ.)

Brown, R. (1998) On criteria for identifying language groups and language clusters. *Notes on Sociolinguistics*, 3(1), pp. 3–42. (in Eng.)

Chen, A.H.Y. (1998) The Philosophy of Language Rights. *Language Sciences*, 20(1), pp. 45–54. (in Eng.)

Davis, K.A., Phyak, P. (2016) *Engaged Language Policy and Practices*. London: Taylor & Francis. (in Eng.)

De Varennes, F. (2012) Language as a right in international law: limits and potentials. In: Richter, D., Richter, I., Toivanen, R. and Ulasiuk, I. (eds). *Language Rights Revisited — The Challenge of Global Migration and Communication*. Berlin, *Wolf Legal Publishers*, pp. 41–61. (in Eng.)

Dorovskikh, E.M. (2007) K voprosu o razgranichenii ponyatiy “gosudarstvennyy yazyk” i “ofitsialny yazyk” [On the issue of distinguishing between the concepts of “state language” and “official language”]. *Journal of Russian Law*. (12), pp. 8–20. (in Russ.)

Farukshin, M.H. (2017) Status ofitsial’nykh yazykov etnicheskikh obshchnostey v polietnicheskikh gosudarstvakh [The status of official languages of ethnic communities in multiethnic states]. *Sociological studies*, (7), pp. 77–87. (in Russ.)

Kalnyn’, L.E. (1976) Dialektologicheskii aspekt problemy “yazyk i dialekt” [The dialectological aspect of the problem “language and dialect”]. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. A series of literature and language*, 35 (1), pp. 34–45. (in Russ.)

Kobenko Yu.V. (2010) Yazykovaya politika i yazykovoye planirovaniye v prizme regulyatsii korpusa i statusa titul’nogo yazyka [Language policy and language planning in the prism of regulation of the corpus and status of the titular nation]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Seriya: Filologiya*, (1), pp. 184–192. (in Russ.)

Koryakov, Yu.B. (2017) Problema “yazyk ili dialekt” i popytka leksikostatisticheskogo podkhoda [Language vs. dialect: A lexicostatistic approach]. *Linguistics Issues*, (6), pp. 79–101. (in Russ.)

Mechkovskaya, N.B. (1994) *Sotsial’naya lingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Aspect Press. (in Russ.)

Mühleisen, S. (2002) *Creole Discourse: Exploring Prestige Formation and Change Across Caribbean English-lexicon Creoles*. Amsterdam: John Benjamins. (in Eng.)

Musorin, A. Yu. (2001) Chto takoe otdel’nyy yazyk? [What is a separate language?]. *Sibirskiy lingvisticheskiy vestnik*, (1). Available at: <http://lingvotech.com/chtotakoeotde> [Accessed 10 June 2019]. (in Russ.)

Neroznak, V.P., Oreshkina M.V., Sabatkov, R.B. (2001) Russkiy yazyk v rossiyskom zakonodatel’sve [Russian language in Russian legislation]. *Polilog*, (1). Available at: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_73 [Accessed 20 May 2019]. (in Russ.)

Phillipson, R. (2008) Lingua franca or lingua frankensteinia? English in European integration and globalisation1. *World Englishes*, 27 (2), pp. 250–267. (in Eng.)

Romanova, O.I., Kibrik, A.A., Koryakov, Yu.B. (2014) Prezentatsiya novykh knig lingvisticheskoy entsiklopedii “Yazyki mira” (Moskva, 31 marta 2014 g.) [Presentation of new books of the linguistic encyclopedia “Languages of the World” (Moscow, March 31, 2014)]. *Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation*, (2), pp. 166–172. (in Russ.)

Shelyutto, N.V. (1990) *Zakonodatel'stvo o razvitii i ispol'zovanii yazykov narodov SSSR* [Legislation on the development and use of languages of the peoples of the USSR]. Moscow: Znanie. (in Russ.)

Soboleva, A.K. (2009) Diskriminatsiya po priznaku yazyka. Vstupitel'naya statya [Discrimination based on language. Introductory article] In: Soboleva, A.K. (ed.). Protection of the individual from discrimination. Anthology Vol. 2. Moscow, *Novaya yustitsiya*, pp. 135–159 (in Russ.)

Soboleva, A.K. (2003) Yazykovyye prava natsional'nykh men'shinstv: problemy zashchity [Linguistic Rights of National Minorities: Protection Issues]. In: Baranov, V.M. (ed.). Russian and European human rights systems: correlation and problems of harmonization. Nizhniy Novgorod, *Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, pp. 148–163. (in Russ.)

Spolsky, B., Hult, F.M. (2010) *The Handbook of Educational Linguistics*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. (in Eng.)

Swadesh, M. (1955) Towards greater accuracy in lexicostatistic dating. *International Journal of American Linguistics*, 21(2), pp. 121–137. (in Eng.)

Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Sociolinguistic terms dictionary]. Nazran': Pilgrim. (in Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Петербургский Михаил Юрьевич — аспирант факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

AUTHOR'S INFO:

Mikhail Yu. Peterburgsky — Ph.D. student, Faculty of Law, National Research University — Higher School of Economics.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Петербургский М.Ю. Государственный язык, официальный язык и язык меньшинства: теоретико-правовые проблемы дефиниций и регулирования статуса в многонациональном государстве // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 5. С. 203–230. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-peterburgsky

FOR CITATION:

Peterburgsky, M.Yu. (2020) State Language, Official Language and Minority Language: Theoretical and Legal Problems of Definitions and Status Regulation in a Multinational State / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 15 (5), pp. 203–230. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-peterburgsky